

всякого бытия. В конечном счете эти акты существования непреодолимо отличны друг от друга; их изучение не приведет к подлинно единому объекту. Чтобы сохранить единство своего объекта, а следовательно, и свое собственное существование, метафизика должна рассматривать понятие бытия только как высшую степень абстракции, где метафизика в одном и том же смысле применима ко всему, что есть. Вот что означает выражение, что для метафизика бытие «однозначно».

Отсюда мы видим, как метафизика может и должна ставить проблему Бога. Некоторые мыслители считают необходимым исходить из существования чувственно воспринимаемых вещей, чтобы вывести из него причину их существования. Разумеется, если исходить из физических тел, то в конце концов мы придем к доказательству их первопричины — причины того, что они движутся или даже просто существуют. Однако при этом мы не выйдем за пределы физики. Это произошло с Аристотелем, чей Перводвига-

тель, изначальная причина Вселенной, сам включен в нее. Другими словами, если доказательство существования Бога оставить за физикой, то достигнутый ею Бог не трансцендирует за пределы физического порядка: как замок свода является частью последнего, так и этот «Бог» останется в природе, даже если она существует только через Него. Чтобы добраться до первоначала, которое есть причина мира в самом его бытии, нужно опираться не на чувственно воспринимаемое бытие, а просто на бытие.

Однозначное понятие бытия как бытия есть, следовательно, условие самой возможности науки, трансцендентной по отношению к физике, и необходимая отправная точка метафизики. Это понятие — абстрактное и первое из всех понятий, ибо, как говорил Авиценна, бытие есть то первое, что схватывается интеллектом. Следовательно, это — универсалия, но не как таковая, которую рассматривает метафизик (то есть предсцизируемая всему прочему). Природа и условия предсцируемости наших «схватываний» являются логическими свойствами и проистекают из науки логики. С другой стороны, поскольку мы абстрагируемся от индивиду-ирующих условий, которыми определяются чувственно воспринимаемые существа, мы не считаем себя и физиками. Бытие, изучаемое метафизиком, — это не частная физическая реальность и не универсальная реальность, взятая в своей логической всеобщности, но именно эта умопостигаемая реальность есть сама природа бытия как бытия. Авиценна четко установил, что «природы» сами по себе не являются ни общими, ни единичными. Если бы природа лошади была сама по себе универсальна, то не могло бы быть отдельных лошадей; если бы природа лошади сама по себе была единичной, то существовать могла бы только одна лошадь; так что, как любил повторять Дуне Скот вслед за Авиценной, «*equinitas est equinitas tantum*»*. То же самое относится и к природе бытия: оно есть все то, что есть как бытие, и ничего кроме этого.

Глава IX. Философия в XIV веке

450

С точки зрения своей логической способности «быть» безразлично выражает все, что есть; бытие — это самая пустая форма: каким бы образом его ни рассматривать, из него нельзя извлечь никакого реального знания. Напротив, бытие в понимании метафизика — это реальность; его возможности весьма богаты, и, замкнувшись в какой-либо из них, не попадаешь в тупик. Бытие как бытие обладает свойствами, и первые из них — это его модусы. Модусы природы, или сущность, являются его возможными внутренне присущими детерминациями. Приведем пример. Вот луч света. Он может быть поразному расцвечен; меняющиеся в нем цвета добавляются к его природе светоносного